

Сергей Русаков

О жизни дедушки в 2024 году

Сергей Русаков

О жизни дедушки в 2024 году

«Автор»

2024

Русаков С. А.

О жизни дедушки в 2024 году / С. А. Русаков — «Автор», 2024

Профессор вуза, пенсионер, отец семейства и дедушка внуков, прожил еще один год на даче, собирающей чад и домочадцев под одной крышей. Мистические и фантастические приключения происходили настолько часто, что раз или два в месяц дедушка описывал их короткими рассказами, стараясь ради внуков, детей, жены-бабушки и всех добрых и разных людей, дабы им стало интересно и полезно прочесть и обогатиться впечатлениями и опытом, а то мало ли что случится с каждым?

© Русаков С. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
13-е июня	6
Куры Апокалипсиса	9
Стабилизатор судьбы	13
Полуостров Победы-4	19
Августовский синдром	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

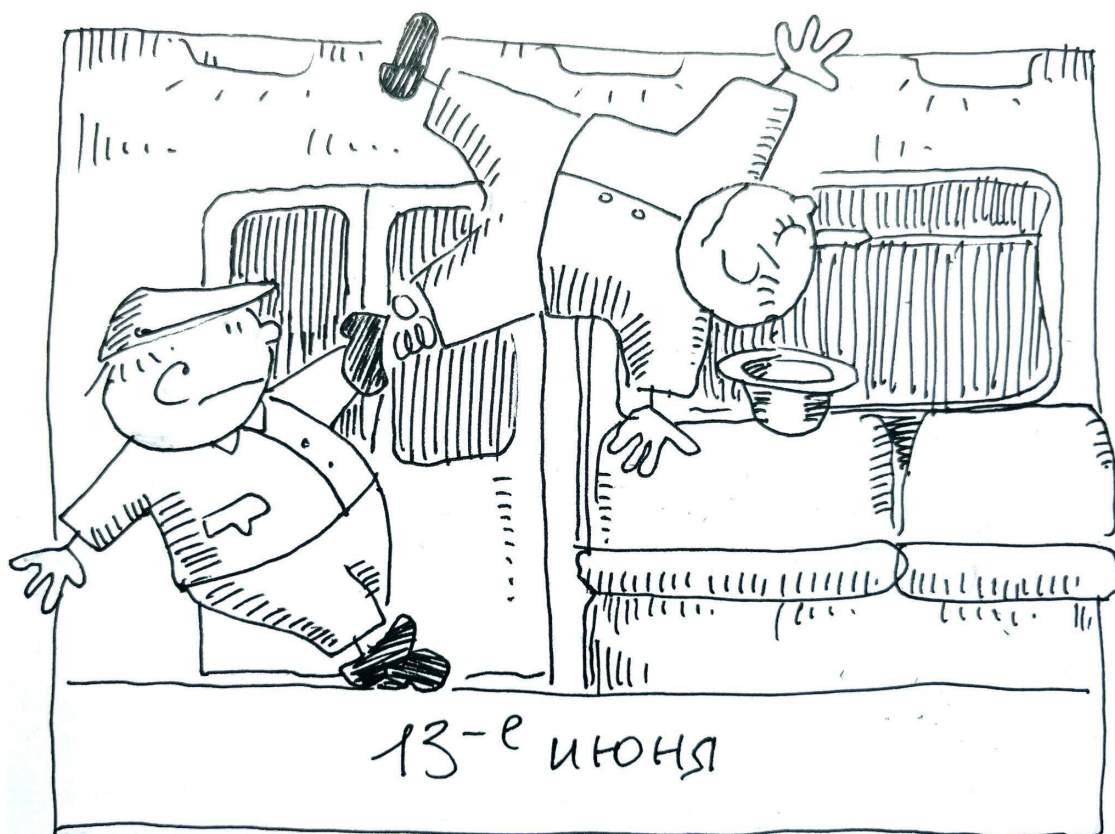
Сергей Русаков

О жизни дедушки в 2024 году

*Книга посвящается моим любимым внукам
Кириуше и Андриюше, а также всем моим родным*

Предисловие

Каждый год проходит так быстро, что в попытках затормозить бег времени, словно стараясь схватить его за какое-нибудь подобие воротника или повиснуть на руке или, упав, держаться за ногу и волочиться, тормозя и упираясь, мы стараемся замедлить бег времени. Возможно, именно так представляются автору его попытки остановить мгновение рисованием миниатюр и написанием коротких рассказов о своей жизни, а чтобы было самому не так скучно от определенно скучной жизни, нужно превратить такие пресные повествования в придуманные фантастические и мистические истории, и тогда... О чудо! Год пробежал, снова тяжело на душе, но разглядывая рисунки и прочитывая рассказ за рассказом, словно испытываешь особое чувство, и наступает облегчение души, что вероятно происходит по причине особого психологического эффекта – навороченный фантастическими событиями рассказ перемешивается с воспоминаниями, и кажется, что именно так активно, интересно и насыщенно прожил это пробежавший мимо тебя с тобой на плечах год, 2024-й год.

13-е июня

Всякое 13-е число календаря подспудно воспринимается, как день, помеченный знаком опасности, наподобие таблички “Не влезай! Убьет!” на трансформаторной будке. Однако мало кто знает, что все двенадцать 13-х дат года предназначены каждая для сугубо конкретного типа неприятностей. Например, 13-е января отвечает за несчастные случаи вследствие новогодних застолий. Вот и 13-е июня имеет подобную мистическую особенность. Этой особенностью и дорожил наш герой Счастливец – беззаботный пенсионер, живущий на пенсию.

Проделав незамысловатый путь от порога дачи до станции метро, шагнувшего в Новой Москве за окраины, Счастливец уселся на скамью у дверей вагона и приготовился ждать несчастного случая в метро. Все дело в том, что каждый год 13-го июня в метро происходят несчастные случаи, и только он, Счастливец, наделен особым даром спасти ситуацию вместе с людьми и метрополитеновским оборудованием.

Узнал об этом Счастливец ровно три года назад во время поездки в метро. Он любил садиться на одну из коротких лавок из пары первых по ходу движения – там нет сквозняков, которые Счастливец не любил. На этот раз на скамье было свободно аж два места, что было странно в битком набитом вагоне часа пик. Причину феномена он понял скоро – от единственного сидящего на лавке пассажира изрядно пованивало, и вид у того был узнаваемо бомжеватый.

Опознавательные индикаторы Счастливецца сбились из-за одного обстоятельства – у бомжа не было одутловатого алкогольного лица, напротив, глаза его были глубокими.

Морщась, Счастливец сел на лавку, оставив между собой и бомжом свободное место. Спустя пару перегонов, бомж вдруг придвинулся к Счастливеццу, на что тот отпрянул, но уперся плечом в перекладину стойки. Бомж зашептал что-то, но Счастливец отвернулся, не желая ни слушать всякую ахинею, ни вдыхать неприятные ароматы. Бомж повысил голос.

– Сегодня 13-е июня! – докричался он до Счастливецца. – Особый день!

Что уж тут может быть особого? Разве что число 13 в дате, о чем у большинства давний предрассудок, как о знаке несчастий. Счастливец в приметы не верил, даже в черную кошку.

– День несчастий! – продолжил грузить его бомж. – Сейчас случится несчастье, и ты вмешаешься и все исправишь...

Счастливец уже возмутился мысленно и уже собирался как-то возразить, как... В момент, когда молодая мамочка, толкая перед собой коляску с ребенком, притормозила в дверях, двери вдруг сомкнулись, зажав коляску посередине. Малышка в коляске продолжала свой младенческий сон, мамаша вытщила глаза из айфона и заверещала.

Поезд стал набирать обороты, децибелы крика перешли в диапазон сирены. Она стала неистово дергать ручку коляски, задумав вырвать ее из захвата автоматических дверей. К ней тут же присоединились две тетки, и вместе втроем они стали дергать за ручку коляски, хорошо хоть синхронно.

– Ну, давай! Действуй! – неприлично толкнул Счастливецца в бок наглый бомж.

Ухмыльнувшись, Счастливец поднялся, подошел к коляске, взял младенца руками подмышки, достал из коляски и протянул орущей мамаше. Та, очнувшись от морока, прижала дитя к груди. Двое тёток продолжили тряску коляску.

– Не дергайте коляску! – прикрикнул на них Счастливец, и те вернулись на свои места.

Бомж, злорадно ухмыляясь, кивком головы поманил Счастливецца снова сесть рядом с ним. Тот, нехотя, сел.

– Теперь тебе целый год будет везти, все будет удаваться, и ты будешь счастлив, – объявил, наверное, в шутку, бомж. – Чтобы зарядиться счастьем еще на целый год, в следующем году 13-го июня снова поезжай в метро и спасай от несчастных случаев!

Бомж поднялся и вышел из вагона, забирая с собой тошнотворный запах невымытого тела и нестиранной одежды. Задышалось легко. Даже почуялось некое благоухание. Наверное, вонь бомжа перебивала чей-то приятный дамский парфюм.

Удивительное дело, но Счастливец действительно стало везти буквально во всем, словно он вытянул счастливый билет. За год везения он так привык к безоблачному образу жизни, что в очередную дату 13-го июня снова спустился в метро. Разнял двух сцепившихся старух, пожурил их за то, какой пример они дают молодежи, и снова еще один безмятежный год.

Сегодня была третья поездка Счастливец в метро в день 13-го июня, он уже привычно, со знанием дела ждал несчастного случая, чтобы случилось это мистическое событие.

Ага! Послышался шум начинающейся драки. Приподнявшись над головами пассажиров, Счастливец срисовал суть конфликта. Какой-то мигрант не уступил свое место на скамье слабенкой старушке, и принялся покрывать ее нецензурной бранью с характерным среднеазиатским акцентом. “Надо заступиться за бабушку!” – решил Счастливец, уловив признаки ожидаемой ситуации, и уже двинулся к месту происшествия, как увидел, что мигрант получил по голове сучковатой тростью, и старик-владелец деревянного оружия замахнулся еще раз для повторного удара. Молодой мигрант вскричал от боли и бросился на старика, но в этот момент еще один старик вlepил горячему молодцу великолепную боксерскую тройку. Мигрант бросился к дверям тормозившего перед станцией поезда метро. По дороге мигранту продолжило доставаться от граждан, да так, что тот вскрикивая все более жалостливо, припустил по перрону станции.

Нет! Это определенно не тот случай, не несчастный, а кажется, наоборот. В противоположном конце вагона заплакал ребенок, но тут же плач перешел в залиvistый смех, и Счастливец остановил свой порыв отправляться спасать ситуацию. Несчастных случаев не было, как нет, и он будто отключился, задремал.

Вагон качнуло, пришлось напрячь руку, державшуюся за поручень, чтобы сохранить равновесие. Краем глаза Счастливец увидел, что за его спиной кто-то не удержался и падает в проходе, затем услышал звуки падения и обернулся.

Мужчина в возрасте лежит на спине, глаза открыты. Счастливец обернулся и протянул руку, но мужчина не реагировал. Тогда Счастливец сам взял его за руку и потянул, чтобы поднять на ноги. Неожиданно мужчина проделал некий кульбит и оказался под потолком вагона, а Счастливец держал его за руку, словно воздушный шар на ниточке. Откуда-то сверху подул воздухом, и поток набрал изрядную силу.

– Не отпускай его! Ему еще рано! – услышал Счастливец возле уха смутно знакомый голос и почувствовал аромат какого-то сладкого парфюма.

Счастливец обернулся. Рядом с ним стоял тот давешний бомж, только в белом костюме с аккуратно подстриженной бобриком голове и такой же седой бородкой.

– Вот так! Все увидели, что человек умер, а ты зачем-то потащил его назад.

Счастливец опешил – ведь он же знал, что с упавшим человеком, хотя что-то не то, но это не смерть, и тот просто... Заблудился? Да! Всё так!

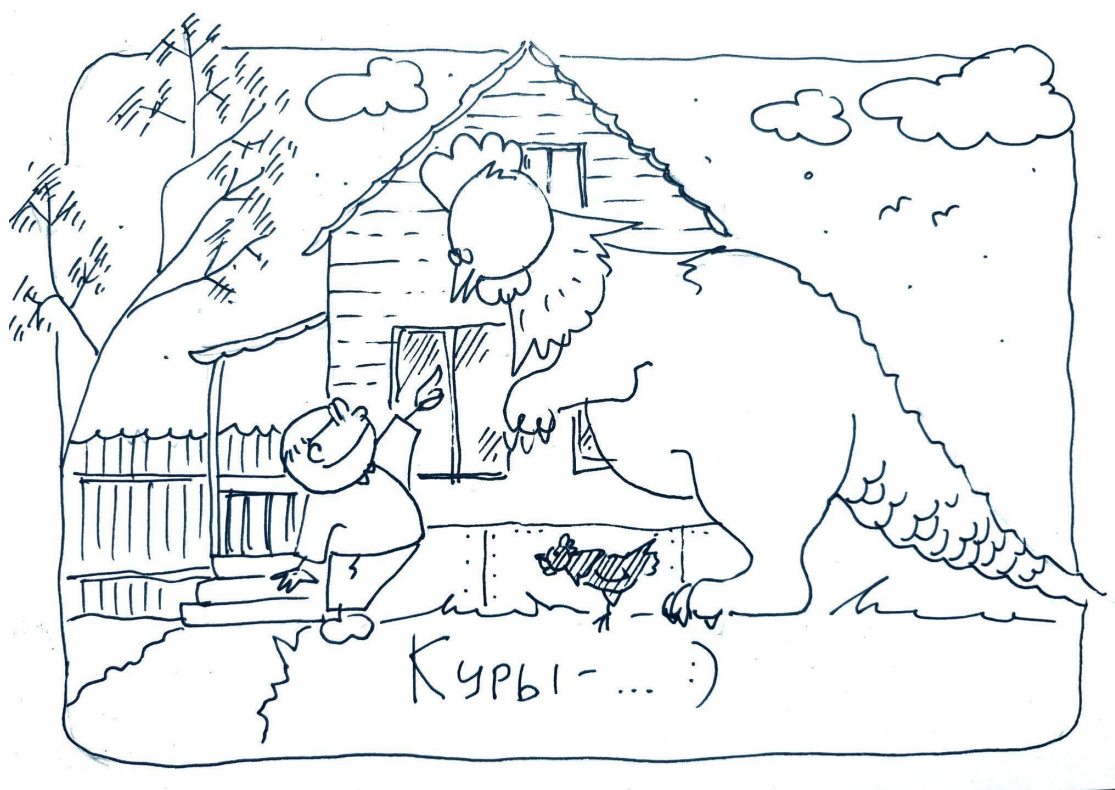
Перехватившись, Счастливец с силой потянул за ногу вжавшегося телом в потолок мужчину, и показалось, что напряглись, натянулись нити каких-то линий, и тогда Счастливец дернул мужчину на себя, приложив, как кажется, максимум своих сил. Мужчина, довольно плотный, рухнул вниз, но Счастливец как-то умудрился перехватить того на лету и сразу поставить на ноги.

– Осторожнее! Держитесь за поручень! Вы чуть не упали! – адресовал спасенному Счастливец, на что тот кивнул, как ни в чем не бывало продолжая свой путь.

– Ну, вот! Знаешь, чем теперь будешь заниматься – спасать людей! – Бомж в белом костюме заулыбался.

- А бомжом одеваться обязательно? – тоже с улыбкой поддержал тон беседы Счастливец.
- Нет! Мне так было удобнее – рядом никто не занимал места.
- Счастливец покивал головой.
- И часто такое случается? – поинтересовался Счастливец.
- Такое – не часто, это редкие случаи. Будет все то же самое, что раз в год 13 июня, но теперь каждый день.
- Зачем все это? – допытывался Счастливец.
- Существует баланс Добра и Зла, но по неким причинам Добра никогда не хватает, а Зло всегда в избытке, вот и приходится добавлять добра дополнительно.
- И много приходится добавлять добра?
- В Московском метрополитене хватает одного спасателя.
- А почему метро?
- Какие-то особые условия для работы – сложная для понимания механика...
- А ты теперь куда? – догадавшись, что бывший бомж переделался неспроста, поинтересовался Счастливец.
- На базу! – и старик поднял глаза вверх.

С тех пор в вагонах Московского метро то на одной, то на другой ветке можно увидеть старика, одетого, как обычный старик. В очках на носу, с блокнотиком и авторучкой в руках он что-то пишет и пишет, совсем не обращая на себя внимания, даже если во что-то время от времени вмешивается, поддерживая баланс Добра и Зла. Таков один из видов ангелов – ангел метро.

Куры Апокалипсиса

Июльским вечером в Подмоскowie, ставшем Новой Москвой, разразился ураган. Под гром и молнии ветер гнул деревья, обламывал сучья и ветки, а косой, почти горизонтальный дождь расстреливал очередями капель все живое, особенно, грядки с нежными росточками кабачков, высаженными повторно, поскольку первую посадку погубили заморозки. Небо поглощало взгляд бездонной темной глубиной, напоминая об известной сентенции, что в это время бездна вглядывается во всякого, осмелившегося взглянуть в нее.

Иванов загодя, вопреки недоверию прогнозам погоды, перегнал старенькую “Шкоду” из-под дерева к крыльцу, дабы на нее не обрушилась громадная ветла, позакрывал окна, а потом лег спать раньше обычного, закрывшись от грохота грозы подушкой.

Громыхало всю ночь, и эта апокалиптическая стихия задала тон череде сновидений в духе “Сон разума рождает чудовищ”. Как всплывающий со дна к поверхности, со спасительным облегчением Иванов вырвался из фантазмагорических ирреальных миров.

Снаружи его деревенского домика царил ватная тишина. Облегченно улыбнувшись возвращению природы к своей климатической норме, Иванов сладко потянулся и запустил остаточную полудрему в колею философии бытия. Вот ведь как неоднороден и неравновесен наш мир! Вечный мир без начала и конца. Хотя, известная концепция как раз утверждает о сотворении мира в один прекрасный момент и предупреждает о его неизбежном конце в другой, ужасный момент, и ведь кто-то в это верит!

За окном, что возле кровати, закудахтали куры. Куры? В этой современной деревне со станцией метро куры давно канули в лету. Откуда это узнаваемое кудаханье?

Подстегиваемый любопытством, Иванов вскочил с кровати, отдернул оконную штору и направил взгляд вдоль оси длинного как коридор участка. От грядки с горохом в сторону дома неторопливо и чинно цепью в ряд двигались четыре черных курицы, тут же включив ассоциацию с четырьмя всадниками Апокалипсиса.

Иванов схватил с подоконника бинокль, чтобы рассмотреть кур внимательнее, но этого не понадобилось. С каждым шагом кур они увеличивались в размерах и, остановившись под окнами, заглядывали в окно мансарды, не задирая своих птичьих голов. Ошалев от ужаса, Иванов отпрянул от окна и отпрыгнул в сторону, чтобы спрятаться за занавеску, с ужасом осознавая, что не успел закрыть открытую вот только что фрамугу окна. Что происходит? Что делать?

Что делают в таких случаях? Иванов ущипнул себя за бок и почувствовал боль. Это не сон! Прислушался. Из открытого окна доносилось воркование с изрядными басовыми обертонами – в соответствии с размерами гортани птиц. Осторожно отодвинул складку шторы и глянул за окно.

Вот они! Четыре огромных черных птицы, размером... Наверное, со слона! Черные перья с отливом. Одно из чудовищ, судя по гребешку и хвосту, скорее петух, а остальные три – курицы. Гигантские курицы и огромный петух!

Иванов обернулся в комнату и оглядел ее. Из оружия только дубинка электрошокер, перцовый баллончик и почти игрушечный арбалет – все, что он держал “На всякий пожарный!”. Это чудовищам буквально, “Как слону дробина!”. Конечно, на первом этаже в прихожей припасены топор и бейсбольная бита, но и это не оружие против монстров. Придется выходить из дома.

Это не было смелостью или безрассудством. Иванов не из тех, кто бросается в бой сломя голову, но он хотя бы готовился к бою. Иванов скользнул на пол и пополз через холл второго этажа, где у него была оборудован кабинет, в соседнюю спальню – наполненную книгами библиотеку. Открыл окно, перекинул через подоконник канат, надежно привязанный к железному

кольцу в стене, надел припасенные здесь же перчатки и споро спустился вниз. Щелкнув пружиной выкидного ножа, открутил саморез из ацеидового щита обшивки фундамента, остальные саморезы были бутафорией – лишь приклеенные шляпки. Отведя лист ацеида в сторону, Иванов пролез в пространство под домом и двинулся дальше – в ту сторону, где возле дома остановились три гигантских ужасных черных курицы и их страшный черный предводитель петух.

Хозяин дома не понимал, что происходит, и что ему следует делать в такой дикой ситуации. Иванов осторожно прориник к щели между листами обшивки фундамента, чтобы узнать, что делают куриные чудовища. Снизу вверх они казались еще огромнее. В таком ракурсе и при таких размерах птицы уже явно обнаруживали свое происхождение от динозавров.

Может, что-то происходит в мире? Иванов вытащил из нагрудного кармана смартфон, но интернета не было никакого – ни мобильного, ни от двух домашних точек вайфая, одна из которых кабельная. Значит ли это некий общий катаклизм? А что? Ведь как-то так начиналась “Война миров” Герберта Уэллса. Эти куры – инопланетные захватчики? Нет! Иванов просто так им не достанется!

Он осмотрел пространство под домом, огороженное обшивкой. Вот в дом входит резиновый газовый шланг от баллона. В голове сразу же завертелись винтики плана сооружения огнемета из подручных средств, но противопожарные инстинкты переместили этот проект в конец изобретательской очереди. Хорошо, когда у тебя инженерное образование и приличная техническая практика! А это что за провод?

Иванов вспомнил. Это кабель, уходящий из дома в сторону бани на длину около пятидесяти метров. Кабели... Вспомнилось также, что под домом находятся и другие силовые кабели. Все начиналось с того, что участок он приобрел с обременением подземными кабелями, а также воздушными электрическими и телефонными линиями. Под землей когда-то давно был проложен кабель заземления газового счетчика, хотя сам счетчик установлен снаружи за забором участка. Потом рядом с этим кабелем проложили новый, оставив первый в земле навсегда, и было подозрение, что он остался неотключенным. В трех метрах от забора под землей проложен еще один кабель в бронированной оплетке, о чем новый хозяин участка узнал, когда копал яму под септик. Пришлось копать другую яму в стороне, чтобы не повредить неизвестной принадлежности силовой кабель. Итого четыре кабеля под землей.

Зачем Иванов размышлял об электрических кабелях в этой дикой невообразимой ситуации, дышащей смертельной опасностью от инопланетных динозавро-куриц? Он вспомнил про эффект шагового напряжения. Земля мокрая после ночного ливня. В земле два кабеля газового заземления. Если подать на них напряжение от кабеля, питающего баню, то на поверхности земли возникнет электрическое поле, подобное сетке. Шаговым этот эффект был назван потому, что на расстоянии шага человека напряжение между точками под ступнями может быть значительным, вплоть до смертельного поражения. Если курицы-гиганты шагнут, а их шаг побольше будет, то шагового напряжения может оказаться достаточно, чтобы покончить с ними. Тем более, эти куры были “босиком”.

Иванов приступил к исполнению замысла. От электриков, прокладывавших когда-то второй кабель заземления газового счетчика, он знал, что одна свая металлического фундамента попала в старый кабель заземления, о чем электрики сделали вывод после исследования земли металлоискателем. Правда, тогда они заверили, что кабель отключен, и что это не опасно для дома и его жильцов. Теперь Иванов уповал на то, чтобы свая действительно пробила старый кабель при завинчивании ее в землю.

Под домом Иванов нашел кусок электрического провода, который прикрутил к той самой свае. Второй его конец приготовил присоединить к открытой скрутке фазового провода кабеля, питающего баню. Только вот самому нужно себя обезопасить от удара током. Иванов подтащил и уложил друг к другу две старых резиновых покрышки. Все это он удачно расположил так,

чтобы можно было дотянуться до щели в обшивке фундамента и увидеть, что там происходит с динозавроподобными курами.

Когда все было готово, а незваные гости все также топтались перед окнами дома, Иванову вдруг стало жалко кур, какой бы они опасностью ни были. Всего мгновение и... Короткой искрой отметился момент контакта, и готово! За обшивкой фундамента раздался громкий рев, короткий вскрик, и воцарилась тишина. Значит, угадал! Значит силовые линии разницы потенциалов прошли вдоль участка, а между лап кур как раз возник эффект шагового напряжения. Ура!

Иванов с осторожностью выглянул в щель. Перед ним открылась неожиданная картина. Все четверо гостей продолжали стоять как ни в чем ни бывало, вот только... Это были обычные куры в их обычных размерах. Что такое? Как такое возможно? Все это ввело Иванова в замешательство, и он даже, что называется, «завис» на минуту-другую, приходя в себя, пока невообразимая догадка не осенила его.

Он снял загнутый на конце крючком провод с электрического кабеля питания бани, и... Новая картина поразила воображение еще более ошеломительно. Иванов успел прикинуть к щели и увидел, как курицы на глазах разрастаются до своих динозавровых размеров. Дождавшись завершения роста, Иванов снова накинул провод на фазу, и куры снова уменьшились до привычных размеров. Земных?

Иванов проделал метаморфозу еще один раз, третий, и все снова повторилось. Что-то рассчитав в своей голове или взяв за основу какую-то гипотезу, Иванов оставил цепь создающую шаговое напряжение замкнутой, осторожно потрогал рукой землю возле себя и переполз к дверке в обшивке фундамента. Выскочил из под дома, подбежал на угол и закричал, зашумел, замахал руками на кур, которые в этот момент были обычными. Куры – эти пугливые и глупые создания, захлопав крыльями и закудахтав, кинулись врассыпную от страшного чело-века, реагируя на знакомый стимул «Кыш!» реакцией бегства.

Вернувшись в поддомовое пространство, Иванов снял крючок провода с контакта и снова выбежал наружу. Куры, все также обычного размера, приходили в себя после бегства на дальнем краю участка и, похоже, уже забыли об этом. Куры больше не выросли до размера слона или какого-нибудь соизмеримого динозавра, типа птеродактиля. Как все это понимать?

Иванов, кажется, перегрузил себя происшествиями и впечатлениями, но это была вовсе не прострация, а напряженная работа мысли. Жаль, что академического образования и опыта генерального конструктора авиакосмической корпорации генерала Иванова хватило только на гениальную идею включить шаговое напряжение для уничтожения космических куриных пришельцев. На самом-то деле все произошедшее имело совсем другую физическую природу. Иванову просто не хватило малой толики знаний, но современная наука пока не дошла до этого.

Да! Уникальное расположение подземных электрических кабелей вполне могло вызвать эффект шагового напряжения. Однако в том самом месте, где три курочки и один петушок красивого черного оперения претерпевали размерные метаморфозы, над их головами нависали четыре воздушных кабеля – три открытых витых алюминиевых провода трехфазной высоковольтной линии к трансформаторной будке и один кабель оптоволоконной интернет-линии. Поперек четырем подземным кабелям. Образовалась полевая волновая трехмерная матрица, в которой происходит особого рода искривление пространства или что-то вроде того, и научное открытие этого явления еще впереди, но и это еще не все. Куры вовсе не росли, как ошибочно считал доктор физико-математических наук Иванов. Не было в этом случае и перемещения из мезозойского прошлого динозавров вида *Ubirajara Jubatus* в современность их генетических потомков *Gallus Gallus*, то есть, кур. Однако эта гипотеза была бы более верной или, как говорят, «Теплее!». В трехмерной волновой матрице по-другому течет не время, а генная мутация. Причем, выход из матрицы в случае ее схлопывания, запускает обратную мутацию. Профессор Иванов просто не имел достаточного биолого-генетического бэкграунда. В будущем именно

это явление, открытое внуком Иванова, станет настоящим прорывом в науке и тогда станет простым и понятным сокрытое в известном пророчестве об Апокалипсисе, и это вовсе не ужас и не конец, а вот нашей правдивой истории конец пришел. Как говорится издревле: «Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец!»...

Стабилизатор судьбы

Просыпаясь и досматривая фантазмагорию путанного утреннего сна, Иван Мотыгин безошибочно предугадал, что сегодняшний день продолжит непредсказуемую амплитуду колебаний удачного и неудачного, но как ни старался, все никак не мог найти какой-нибудь признак, который, если проявит себя с утра, то намекнет, как карта ляжет сегодня. Чистой воды рулетка! Или игральные кости или монетка – никогда не предугадаешь, не найдешь закономерность или правило, и тогда жди первого происшествия, которое, если случится, однозначно и бесповоротно укажет, куда неведомый стрелочник перевел стрелку. Определенность, конечно, радовала, но часто этот первый случай был и нехороший, и необратимый, и уже причинял ущерб. Если же стрелка ложилась в благоприятное положение, то и это не всегда обходилось безукоризненно, особенно, когда ветка жизни поворачивала хоть и во многообещающую сторону, но так радикально меняла планы, а то и линию судьбы, что лучше бы уж стрелочник отправил бы Мотыгина в неудачный вариант пути.

Это повторялось и повторялось с необъяснимой закономерностью. То есть, дни Ивана Мотыгина никогда не бывали средними, медианными, обычными, как и полагается исходно в восьмидесяти процентах людей и случаев, оставляя по Гауссу десять процентов неудач и десять везения. С этим в жизни Мотыгина было что-то не то. Даже окружающие замечали эту необычность, и кто-то говорил что-то вроде «У тебя, Иван, то густо, то пусто!». Ему действительно то несказанно везло, то на него обрушивались несчастья, и доброты выдвигали гипотезу, что плохим Иван расплачивается за хорошее, в чем были отчасти правы. Никто как Иван не мечтал о средней, тихой, спокойной и стабильной жизни. Всем хотелось драйва и перемен, но не Ивану Мотыгину.

В полудрему пробрался какой-то гул. Не желая сдаваться пробуждению, Иван схватился за какие-то предметы нестабильного сна, и в памяти поплыли картинки из детства. Вечер. Их деревенский дом. Ваня, брат и двоюродная сестра сидят на низенькой скамеечке перед телевизором «Рекорд» и смотрят черно-белый кукольный сериал «Спокойной ночи, малыши!», но что это так громко гудит? Ага! Это же черная коробочка стабилизатор, через который подключен в электрическую розетку телевизор. Он всегда громко гудит, но слух привыкает, и гул уже не замечается.

Мотыгин открыл глаза и окончательно проснулся. Гул не пропал. Значит он не из сна, и что-то гудит наяву, по-настоящему, громко. Иван выглянул в окно, открыл фрамугу, гул стал громче. Это гудит трансформаторная будка за забором. Недавно, весной ее поменяли – вместо старой поставили на два бетонных блока избушку два на два и два в высоту. Старую будку в мае разбила молния во время грозы. Новая была современнее видом, а что там внутри – неведомо, может, начинка старая. Правда, и с этой трансформаторной будкой случались чудеса. Как-то раз трижды подряд убило током трех ворон. Они прилетели по каким-то своим делам и уселись на провода. К несчастью, на оголенные высоковольтные, а там семьсот пятьдесят вольт. Одна ворона клюнула железную стойку изолятора, вспыхнула и сверзлась вниз. Вторая преступил по проводу к тому же месту, где только что сидела первая, повторила ее действия и тоже упала на землю убитой. Третья заподозрила что-то неладное и вспорхнула с провода, как назло задев крылом соседний провод, добавила себя в печальную компанию подружек под столбом.

Сейчас трансформаторная будка гудела определенно громче обычного. Мотыгин оделся, вышел из дома, отпер калитку и подошел к будке. Вблизи гул был весьма громким. Что такое? Может, это опасно, и эта будка сейчас загорится, как та старая, в которую давеча ударила молния? Что делать? Надо бы позвонить электрикам. В прошлый раз они приехали быстро. Иван нашел в телефоне сохранившийся номер и набрал его. Ответил диспетчер, которому Мотыгин рассказал о неполадке. Диспетчер ответил, что высылает дежурную бригаду электриков.

Иван остановился перед будкой в задумчивости. Свой гражданский долг он выполнил, теперь дело за профессионалами. Решив не ждать на улице их приезда, он собирался вернуться в дом и по какому-то давнему мотиву, ударил кулаком в железную дверь трансформаторной будки, как это привычно делали прежде с надеждой починить неисправность, что, кстати, часто срабатывало и даже стало методом починки чего угодно.

Между рукой и дверцей проскочила электрическая искра, гул трансформатора уменьшился до нормы, Иван Мотыгин исчез. Приехавшие через полчаса электрики обнаружили дверку трансформаторной будки открытой, осмотрели все внутри и снаружи, не нашли ничего аномального, закрыли дверку на треугольный ключ и уехали. Кстати, оказалось, что эта трансформаторная будка действительно гудела, но вовсе не громко, а как обычно и вполне допустимо.

Когда приехали электрики, их бригадир заглянул в открытую дверку трансформаторной будки, Мотыгин с некоторым раздражением и на повышенных тонах с едкостью в голосе приветствовал его:

– Явились – не запылились! Уже почти полчаса жду вас здесь! Чего так долго?

Бригадир не ответил, заглянул внутрь будки, осмотрел все, старательно не встречаясь взглядом с вызвавшим бригаду местным жителем, и такой игнор завел Мотыгина еще больше.

– Ну? Скажите что-нибудь в свое оправдание! Типа, пробки на дорогах! Вы же знаете про этот трансформатор! Он же уже горел однажды! Нужно резче реагировать! – и Мотыгин недобро повел плечами, хотя, хотел для убедительности недоуменно развести руки в стороны.

Электрик снова ноль эмоций – будто спит на ходу и в упор не видит человека. Это уже переходило все границы! Человек в бедственном опасном положении, а специалист палец о палец не ударит! Мотыгин снова потянул руки к себе, но снова безуспешно – их словно магнитом притянуло внешними сторонами ладоней к двум вделанным в пульт с приборами медным круглым пятакам с пятирублевою монету размером, и он стоял, словно распятый, раскинув руки в стороны.

– Давай! Делай что-то! Если сам не можешь – МЧС вызывай, но высвобождай меня! – Мотыгин умышленно перешел на “ты” и добавил в голос металла, чтобы повлиять на нерадивого электрика.

Не сдавшись давлению характера Мотыгина, электрик закрыл дверку и запер ее на ключ.

– А-а-а! – во весь голос заорал Иван нагледу. – Немедленно откройте дверь! Меня будут искать и найдут, и тогда вам не поздоровится!

В ответ бурной реакции ошеломленного Мотыгина послышался звук отъезжающей машины. Электрики, похоже, уехали. Конечно, может быть, за подмогой или за инструментами, но ведь нужно же было поговорить с несчастным человеком, оказавшемся в непонятной природе плену. Хотя... Ведь слышал же Мотыгин и видел на плакатах по технике безопасности, что электричество, проходя по телу человека при ударе током, словно удерживает его, и нужно, согласно инструкции, палкой или чем-то, чтобы не было контакта, оттолкнуть или оттянуть пораженного электроразрядом и тем спасти его.

А может, он уже того? Уже убит током или распался на атомы и лишь что-то еще продолжает существовать, как на этом настаивают в другой области знаний, не инженерной. Иван пригорюнился, и словно цепляясь за спасительную соломинку, закричал-заорал еще громче.

– Не кричите! – послышалось рядом – В этом вашем положении вас никто не услышит.

Иван покосился на звук – звук доносился из-под решетки в корпусе трансформатора, как в старом метро репродукторы были забраны такими же решетками.

– Кто здесь? – опешил Мотыгин, хотя в его ситуации, есть ли он сам здесь было спорным утверждением.

– Это диспетчер, и меня здесь нет, но вы слышите мой голос. Я с вами на связи, – голос был явно человеческий, а не искусственного интеллекта, о чем говорили чисто человеческие паузы, обертоны и даже какой-то знакомый диалект.

– Диспетчер чего? – все еще раздраженно, поскольку был зол на электриков, спросил Мотыгин.

– Диспетчер станции коррекции, – начал представляться голос, но Иван перебил его, все также на повышенных тонах.

– Какой еще станции? Какой такой коррекции? – Мотыгин посчитал, что его втянули в какие-то электротехнические дела, и это тоже раздражало.

– Станция коррекции стабилизации... – терпеливо продолжил диспетчер, снова вызвал волну раздражения и завершил фразу. – человека.

Иван Мотыгин молчал. Все что сейчас происходит с ним, говорит о том, что он либо умер, и это какие-то посмертные эффекты, либо получил удар током, и пребывает без сознания, а там в голове вертится всякая чушь, либо это все еще сон, в котором он вышел за калитку к трансформаторной будке, и сон об этом продолжается, а раз так, то нужно либо проснуться и оказаться в постели, либо досмотреть этот странный сон.

– Вы обратились в нашу службу с заявкой на стабилизацию жизни, мы рассмотрели вашу просьбу и приняли решение исполнить ее, и вы сейчас проходите процедуру стабилизации, – диспетчер закончил доклад и замолчал.

Молчал и Мотыгин, переваривая происходящее или снящееся ему. Если все это принять за правду, то в трансформаторной будке обязательно есть стабилизатор, иначе бы подключения и отключения потребителей раскачивали бы напряжение до опасных скачков, так что, технически все возможно. Вот только как обычный стабилизатор, который, по сути, тоже трансформатор, только с отрицательной обратной связью с выхода на вход, может повлиять на человека, который есть чистая психология?

Словно подслушав мысли, а может, просто добравшись до мозга через подключенные к контактным медным пятам руки, диспетчер буквально ответил на мысленный вопрос своего пленника.

– Мозг человека с его электрической проводимостью по нейронам, хоть и невообразимо сложнее трансформатора, даже такого, как этот с электронной начинкой, подчиняется все тем же законам электротехники, с положительной и отрицательной обратной связью с выхода на вход. Вот так бывает, что у человека раскачался его внутренний стабилизатор в головном мозге, и тогда его жизнь становится тельняшкой с чередованием черных и белых полос без полутонов и средних значений. Это может быть неприятно и даже опасно. Вот тогда нужно лишь перенастроить, как говорят у вас, вернуть к заводским настройкам внутренний стабилизатор, и это вернет жизнь к норме, выражаемой кривой нормального распределения, где плохого и хорошего всего лишь по десять процентов, а оставшиеся восемьдесят – золотая середина ровной размеренной спокойной жизни, которая отчего-то некоторым кажется болотом, но именно так и должно быть.

– А что потом? – ухватив суть, спросил Иван.

– Через десять минут перезагрузка мозга завершится, и жизнь наладится, – с заботой и даже теплотой в голосе ответил диспетчер.

Однако Иван имел ввиду вовсе не это. Как он будет жить в таком новом для себя и непривычном режиме? Он видел такую жизнь в исполнении знакомых, да и вообще большинства людей. Справится ли с этим?

Диспетчер снова прочитал мысли Мотыгина.

– Стабилизация необходима не только самому человеку, но и всему обществу, иначе бы, как в электросетях возникают скачки напряжения, в обществе царил бы нестабильность, а

это всегда выражается в болезненных для человека и человечества проявлениях типа войн, конфликтов и катастроф.

Ивану Мотыгину в словах диспетчера открылась какая-то иная линия мысли, и он, уцепившись за хвост этой мысли, потянул ее к себе.

– То есть, ваша служба коррекции стабилизации проводит чистку мира от таких, как я, и как бы спасает мир? – Ивану показалось, что это даже еще более невероятно, чем даже то, что с ним происходит. – И это действительно спасет мир? И когда до этого додумались? И кто такое придумал?

На этот раз диспетчер долго, около минуты молчал. Может быть, что-то там наблюдая на приборах в своей диспетчерской. Минута прошла.

– Мир это не спасло, – в голосе человека в диспетчерской прозвучала звенящая грусть. – Миру пришел конец. Для людей он пока впереди, в будущем. Людей не станет.

– Как так? Как это? – хоть это и сон, но подобные вести никого бы не порадовали. – Но ведь кто-то этим занимается, пытается исправить плохой прогноз? Вот вы в своей диспетчерской – вы же исправляете неисправных людей? Значит, есть люди, которые знают и делают?

– Так и замыслил наш создатель, – неожиданно и непонятно высказался диспетчер. – И я не человек. Правда и не робот в представлении вашего периода времени, в котором совсем недавно заговорили об искусственном интеллекте. Сейчас, в настоящее время на планете уже давно нет людей, осталось лишь то, что и создал наш создатель – огромная разумная сеть на основе компьютеров вашего времени и скорого для вас будущего, линий электрических, оптических и радиокommunikаций. Все это появилось и объединилось в огромную планетарную систему, благодаря идеям и гению нашего создателя.

– Да кто же это такой? – удивился всему услышанному Иван.

– Это великий человек! Гений! Он не то чтобы создал планетарный разум, он породил ключевую идею, которую воплотили другие люди, его сподвижники. Он визионер...

– А-а-а! – догадался Иван. – Это же Илон Маск!

– Нет, не он, хотя и в чем-то похож, – в голосе, как оказалось, искусственного интеллекта прозвучали совершенно человеческие нотки. – Создатель еще не родился в вашем времени. Он появится на свет через почти сто лет и еще через пятьдесят, когда достигнет этого возраста, он породит идею, которая...

– Спасет мир? – предвосхитил Иван.

– Нет, к сожалению, но идея создателя даст надежду на спасение. Сейчас в нашем времени людей пока еще нет, но если все пойдет по его замыслу, то в будущем вновь появятся люди, если в прошлом для нашего времени и в будущем для вашего, произойдут нужные изменения и случится необходимый ключевой поворот, – диспетчер вдруг резко сменил тему. – Процедура стабилизации завершается! Сейчас произойдет ваше отключение, руки освободятся, и вы сможете уйти...

– Так что мне теперь делать-то, когда я все это узнал?

Ответа Иван Мотыгин не услышал. Щелкнул замок, и железная дверка трансформаторной будки приотворилась. Руки упали вниз к карманам брюк. Повременив пару секунд в надежде на ответ диспетчера и даже приложив ухо к решетке репродуктора, Иван вышел, вылез из трансформаторной будки и прикрыл дверку. Он вернулся в дом, поднялся на мансардный этаж, посмотрел на откинутое одеяло постели, разделся и лег, решив, что для него будет лучше вздремнуть, и тогда мысли уложатся, и он успокоится, ведь времени еще пока только пять утра, и за окном по-летнему светло.

Через час, в традиционные шесть утра зазвенел будильник, и Мотыгин проснулся по-настоящему. Он вполне отчетливо помнил свой странный утренний сон и получил тем подтверждение, что это только сон. Значит, все по-прежнему, и он не получил никакой чудесной стабилизации, а значит, день принесет ему какой-то из крайних вариантов своего течения –

удачный или неудачный. Правда, на этот раз ему легкомысленно показалось, что день будет хорошим, хотя он знал наверняка, что такие предсказания невозможны.

Однако день действительно стал удачным, и все последующие дни тоже были преимущественно удачными, а узнавал Иван о статусе предстоящего дня сразу же в момент утреннего пробуждения. Пока он тянулся к будильнику, чтобы выключить его, он уже знал наверняка, каким будет день.

Сон еще какое-то время напоминал о себе. Иван даже несколько раз подходил к трансформаторной будке и дергал за ручку дверки. Он даже нашел на боковой стенке будки приклеенное объявление о том, что районное отделение электросетей приглашает на работу электриков. В остальном же ничего не изменилось.

Нет! Изменилось и радикально! Искусственный интеллект, придуманный создателем и воплощенный его командой, работа которой растянулась на сотни лет, вплоть до момента, когда люди перестали существовать, нашел в одном из периодов времени и пространства недостающее звено – человека, чья психика была повреждена так, что он не знал середины и жил крайностями, и однажды это сыграло ключевую роль. Созданный в еще человеческую бытность искусственный интеллект, выполняя замысел своего создателя, из будущего возвращался в прошлое по обычным электрическим проводам, которые остались существовать на уже обезлюдившей планете, отслеживал обстановку в разных периодах и исправлял ситуацию по алгоритму, исполнение которого должно было предотвратить катастрофу, и тогда люди и все человечество не погибнут.

Подобно тому, как в известной притче на одном конце планеты бабочка взмахнула крыльями, а на другом случился ураган, однажды Иван Мотыгин, пребывавший на заслуженной пенсии, нашел в кармане скомканную бумажку с предложением трудоустройства в районное отделение электросетей, поехал туда, устроился на работу и стал электриком. Мир был спасен в прошлом для будущего.

Полуостров Победы-4

Только сейчас, когда Морсков стоял на крыльце своего деревенского дома в Новой Москве, он заметил, что живет на полуострове. А ведь и верно! С одной стороны улица Победы и его дом под номером 4, с другой стороны улица Строителей, а с третьей небольшой тупичок с подъездом к соседнему дому. Четвертая сторона его узенького и длинного как Камчатка участка надежно примыкала к жилому массиву деревенских домов.

Аналогия понравилась Морскову, и вдохновленный ей, он вошел в дом и поднялся на второй мансардный этаж. Теперь дом представлялся хозяину, как одинокий маяк на самом кончике полуострова. Морсков перешел в желтую спальню, выходящую на улицу Строителей и проводил взглядом два морских судна, которые посигналив друг другу разъехались на перекрестке. Грузовой КамАЗ поехал вверх, а легковая “Лада” покатила вниз по улице Победы.

Морсков заулыбался. В детстве он мечтал стать моряком. Чтобы согнать захватившее его воображение, он спустился в столовую и сварил себе кофе. Обычное утро пенсионера. Дополненная реальность усилилась включенным телевизором на канале новостей. Морсков отхлебнул первый ритуальный глоток кофе и прикрыл глаза, прислушиваясь к терпкой горечи.

“Небывалый шторм разразился на тихоокеанском побережье полуострова Камчатка...”, – прорвалось сквозь кофейное блаженство из телевизора трагическим голосом диктора.

“Хорошо, что мой полуостров ненастоящий!” – сопроводил мысленным замечанием новость хозяин дома.

За окнами прошелестел порыв ветра.

“Неужели и до нас долетело?” – с усмешкой пошутил Морсков сам с собой и с телевизором.

Порывы ветра нарастали, и вот на деревню обрушился косой от ветра дождь.

“Бывает и у нас непогода!” – философски оценил ситуацию снаружи дома его хозяин.

Морсков, как был с чашкой кофе, поднялся на второй этаж закрыть окна, чтобы не налило воды дождем. Последняя ступенька короткой лестницы неожиданно произвела странную метаморфозу – вот только что он первым делом убедился, что закрыта фрамуга окна в холле между спальнями, и сразу вдруг форма окна изменилась на маленький квадрат в обрамлении каменной кладки черного гранита. Две перегородки с дверьми в спальни исчезли, две кладовки за его спиной тоже, и теперь он стоял посреди круглой комнаты, а вокруг него по сторонам света неярко светились четыре квадратных окошка, время от времени озаряемые всполохами молний снаружи. Спален нет, но у одной из стен стоит железная кровать, покрытая одеялом, и табуретка рядом с ней.

Морсков подошел к окну на улицу Строителей. Из окна открылся вид на безбрежный океан. Шторм! Высоченные волны в несколько этажей, ветер, молнии, дождь. Стихия!

Он отхлебнул из чашки кофе, хотя, на мгновение засомневался, а стоит ли прерывать этот морок бодрящим напитком – ведь в игре воображения, по большому счету, нет ничего плохого. Однако кофе не изменил происходящего. Четыре окна, каменные стены, пол и потолок. Вниз от квадратного проема в полу уходит винтовая железная лестница, вверх такая же поднимается к проему в потолке.

Движимый каким-то, как если бы привычным, профессиональным порывом, Морсков поднялся по лестнице, откинул люк и вышел на чердак под крышу... Маяка?

Ну, конечно, маяка! А зачем же тогда в центре круглой комнаты под крышей этот огромный железный застекленный фонарь, за стеклами которого ярко горит огонь? Морсков на маяке!

Что-то, и это было снова с какой-то стати профессиональным, его Морскова забеспокоило, когда он заметил, что огонь в маячном фонаре горит неровно. Нужно подлить в бак фонаря

еще керосина. Морсков поднял стоящую у стены канистру – пустая. Бочка с керосином внизу, и он поспешил по лестнице вниз с пустой канистрой в руке. Ноги не путались по ступенькам и сбегали привычно.

Набрав полную канистру керосина, Морсков поднял ее по винтовой лестнице наверх и залил топливо в фонарь маяка. Пламя горело ровно. За окнами продолжал бушевать шторм. Видимость была совсем малой, но маяк высокий, и его свет все же будет видно судам, если такие появятся поблизости.

С успокоенной душой Морсков спустился самый низ, разжег очаг и повесил на крюк закопченный медный чайник, чтобы заварить чаю. Бросил взгляд на бочку с керосином. Его хватит надолго! Выпив свой чай, хозяин маяка снова поднялся наверх к фонарю, чтобы сверху посмотреть на бушующий океан.

И вовремя! Фонарь снова мигал сбивчиво и неровно, словно керосин, который Морсков только-только залил в него, кончался. Он заглянул в горловину фонарного бака и обомлел – керосин отсвечивал бликами где-то уже на дне. Как так? Как двадцать литров керосина могли сгореть так быстро?

Не давая себе времени на размышления, Морсков снова бросился вниз и снова поднял и залил в фонарь двадцать литров керосина – прямо под горловину. С опасением и подозрением он остался понаблюдать за фонарем.

И не напрасно! Топливо прогорело примерно за полчаса, и хозяин маяка снова побежал за очередной порцией керосина.

Что-то произошло, может быть с фонарем, но топливо прогорало очень быстро. В шторм нельзя допустить, чтобы свет маяка погас. В океане могут быть корабли, на них люди.

Морсков ошибся. Что-то произошло, но не с фонарем, а со временем. Шторм бушевал уже день за днем, неделю за неделей, но хозяин маяка не замечал этого – ведь за окнами в шторм одна и та же картина. Такие метаморфозы времени бывают в старости, когда время летит быстрее, и кажется, жизнь пролетает со скоростью свободного падения.

Керосин в бочке закончился. Морсков знал, что фонарь приспособлен, чтобы гореть на дровах, и теперь хозяин маяка выходил в этакую непогоду и собирал ветки и сучья, гоняемые ветром по камням полуострова. Собрав побольше дров, он спешил к фонарю и подкладывал их, чтобы горение продолжилось.

От тяжелого физического труда Морсков изнемог, но и в течении времени что-то изменилось. На дровах фонарь горел дольше, чем на керосине, будто давая хозяину маяка успевать собрать новую вязанку дров.

Морсков действовал, как заведенный. Он уже ни о чем не думал, а лишь бегал и бегал вниз и вверх и по побережью полуострова в поисках все новых дров для фонаря.

Неизвестно, сколько прошло времени, но шторм стих. В рассеявшейся мгле стоял освещенный лучами солнца каменный маяк. Океан мирно плескался у его подножия. Керосина нет, дров нет, но миссия исполнена.

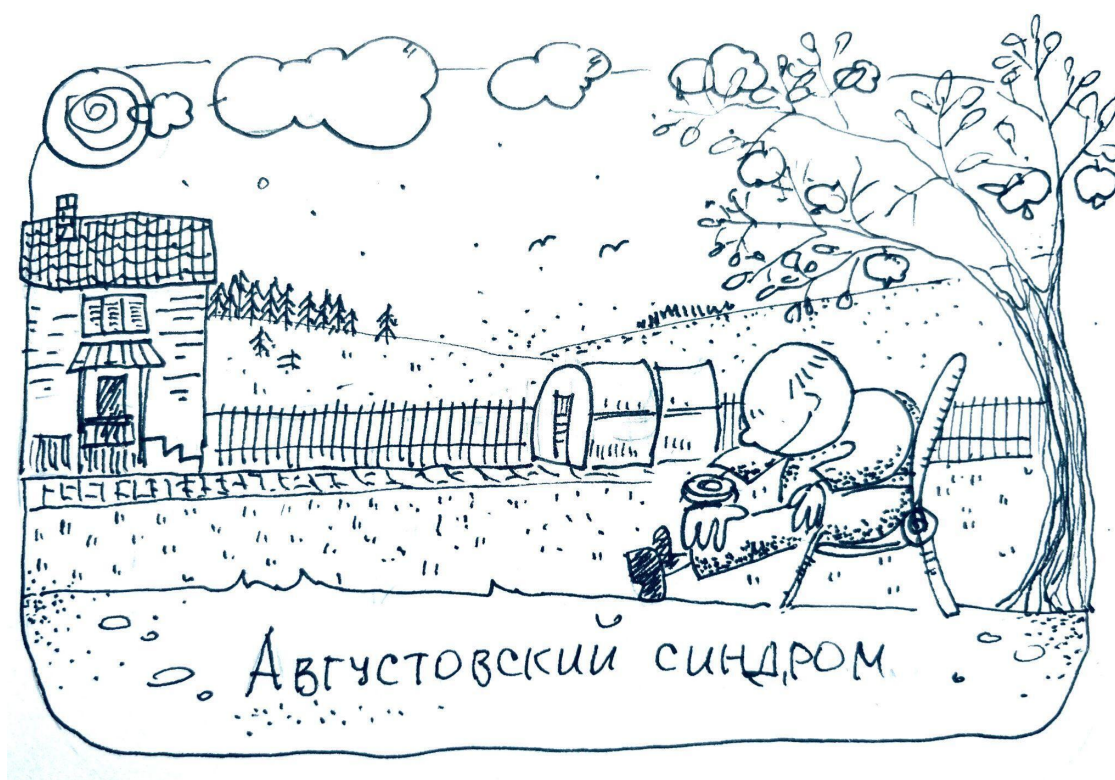
Мы не знаем, что в этот момент думал хозяин маяка, потому что... Морсков проснулся. Через задернутые шторы просвечивало солнце. Часы на стене показывали полдень. Значит, он проспал шесть часов с того момента, как поднялся к фонарю маяка на полуострове. В теле проявила себя ломота, будто всю ночь много бегал или носил что-то тяжелое. Видимо так заявляет о себе напавшая простуда. Что ж! Придется переждать простудный кризис. Может быть, и нужно поболеть, чтобы отдохнуть. От чего?

Морсков все же встал с постели, чувствуя простудную разбитость и коря себя за то, что потерял полдня без работы – ничего не писал, не читал, не пропалывал грядки на огороде. Все проспал!

Проспал Морсков и новость, прозвучавшую лишь единожды в утренней телевизионной программе. В прибрежных водах полуострова Камчатка, вблизи от пролива Лаперуза терпел

бедствие дезориентированный штормом рыболовецкий сейнер, поскольку приборы вышли из строя из-за грозы. Для моряков все закончилось удачно, но происшествие сопровождалось необычными вещами. Такие сильные и затяжные штормы в этом районе Тихого океана никогда не бывали летом. В самый разгар шторма на сейнере вдруг разглядели свет маяка, и вовремя изменили курс. Когда шторм стих, взорам спасенных открылся мыс и никакого маяка на нем. Подхватив новость, местные газетчики сослались на исторические данные, что ранее на этом месте действительно был маяк, но скоро перестал использоваться, так как свету его мешали низовые туманы, и построили новый, а этот со временем развалился. Случившееся отнесли к обычным для морской стихии галлюцинациям, хотя моряки клялись, что видели и свет маяка, и контуры его башни.

Морсков оправился от простуды через неделю и продолжил свою жизнь на пенсии в дачном домике по месту жительства в деревне Десна на полуострове Победы – 4.

Августовский синдром

Дождавшись фразы “Лето – это маленькая жизнь!” из особо почитаемой песни любимого барда, Рябинин нажал на две полоски паузы, и песня оборвалась. Песня замечательная, точная, верная, но слушать ее сейчас было больно. Вернее, мелодия, слова и голос автора давили на больное место и тем усиливали некое уныние, царившее в душе Рябинина в последнее время. Может, и не уныние, а томление.

Не прав был еще один поэт, утверждая лирическую ноту об унылой поре и очей очарованьи. Не осень, и уж точно не бабье лето сентября, а завершающий лето август по-настоящему уныл. Вернее... Вдруг пропадает былой задор и озабоченность уходом за огородом, поливами огурцов нагретой за день в бочке водой, заботливым укрыванием парников на ночь, а ведь именно в августе ночи холодны. Да и сами огурцы, раньше такие нежные бархатом свежих листьев, теперь стали жесткими на ощупь, ломкими и бурыми от переноспороза, а долгожданные как дети зеленцы корнишоны превратились в кабачкового размера желтые оковалки. И так во всем. Пропал интерес к огороду, прополке, поливу на фоне парадоксальной радости от дождливой погоды, а не от приятной прежде летней солнечной жары – лишь бы не поливать по обязанности грядки.

Что происходит? Повод побеспокоиться – не депрессия ли? А может, усталость от жизни? Да нет! Придет долгожданная зима февраля, и актуальный лунный календарь, приклеенный изнутри на дверь туалета, станет поводом для вожденной радости ожидания весны как времени высадки рассады в теплицу и лета урожая. Нежные листочки рассады перцев, а потом помидоров, а ближе к весне кабачков и, наконец-то огурцов, радуют глаз и беспокоят сердце – а не добавить ли подсветку настольной лампы?

То, что происходит с Рябининым в августе, имеет знакомую циклическую природу, и даже получило его авторства название “августовская хандра”, а иногда “парадокс урожая”, когда все созрело и надо бы порадоваться и себя похвалить, заложить на хранение кабачки, тыкву, свеклу, морковь, закатать в банки огурцы и помидоры, наварить кабачковой икры и лечо из своего перца... Нет! Не лежит к этому душа! Достижение вызывает неясной этимологии отвращение. Может, правы шарлатаны-психологи, лепеча и перепевая друг друга о том, что при достижении цели теряется смысл жизни.

Даже пронзительная философия песни, открывающая истину сходства жизни человека с кульминацией года – летом, в августе меняет свое откровение на противоположное. Лето, его август – это что-то вовсе не жизнеутверждающее, словно сумрак под тучами не дает увидеть свет и радость, а дожди, такие живительные в июне и июле, словно не питают, а вымывают из жизни питательные вещества. Не запить бы, спасая душу!

Спасаясь от опасного искушения, Рябинин заставил себя походить по саду, между грядками, по центральной дорожке под яблонями, но стало еще хуже, и тогда он усадил себя в старое пластмассовое кресло, полученное когда-то в благодарность от одной старушки в ГДР, за помощь рабочей силой солдатских рук. Из кресла раскрывался знакомый, но чужой пейзаж. Японский садовый дизайн называет это заимствованным ландшафтом, когда за забором открывается красивый вид на пойму местной речушки и лес на горизонте, да так, что граница по забору словно растворяется. Плывущие в небе ватные облака создают для глаз идиллическую картину. В такие моменты психика вытворяет выкрутасы одновременного представления о бренности бытия и бесконечности мироздания.

Вздрыгнули вибрацией умные часы на запястье. Рябинин скосил глаза на циферблат. Странная надпись: “Старт 90-минутного трекинга”. Хозяин часов такого режима не настраивал, значит, очередное обновление сомнительной полезности. Вибрируя в такт, часы показали цифрами обратный отсчет как при запуске ракеты. Что-то новенькое!

Рябинин достал из нагрудного кармана смартфон и заглянул на сайт техподдержки часов. Во всплывающем окошке замерцала рекламная строчка: “Попробуйте новые режимы проживания жизни “День за минуту” и “Год за минуту”! Программа длится 90 минут. В первом случае за минуту проходит квартал – три месяца. Во втором случае проходит жизнь, из расчета 90 лет*”. Звездочка насторожила, и Рябинин перешел к примечанию. “В случае меньшей протяженности жизни, программа завершается досрочно. В случае большей продолжительности жизни, добавляются дополнительные годы”.

Улыбаясь изобретательности маркетологов, Рябинин вернулся к рекламе программы, продолжая чтение описания. “Выберите режим и нажмите на флажок!”. И снова звездочка, и снова Рябинин перешел к примечанию. “Внимание! Выбор режима необратим! В случае выбора “Год за минуту!” возможны некоторые изменения в реальности!”.

Ужасаясь от чего-то, Рябинин вернулся к программе. На циферблате изображение песочных часов. Над ними надпись: “День за минуту!”, внизу еще одна надпись: “1 июня 2024 года. До окончания первого дня лета осталось 2 часа (5 секунд до завершения 1-й минуты действия программы)”.

Ну? Что делать-то нужно? Рябинин снова перешел на сайт техподдержки часов, чтобы найти условия этой странной игры и нашел. «В течение одной минуты, соответствующей дню лета, перечисляйте вслух, чем вы занимались в этот день или занимались бы, если бы этот день наступил, или чем бы вы занимались в день, который уже прошел, вне зависимости от того, чем вы занимались. Активируйте микрофон ваших часов!”. Рябинин перешел в настройки часов и обнаружил, что микрофон уже был активирован. Поддаться этой глупой игре? Пусть в шутку и ненадолго?

Рябинин попытался вспомнить, чем он занимался в первый день лета, но конечно, не вспомнил. Тут часы снова вздрогнули и показали на циферблате надпись “Первый день лета прошел! Будьте внимательны! Ознакомьтесь еще раз с условиями действия программы!”. И снова, но уже с известной тревогой Рябинин вернулся к техподдержке. “Внимание! В случае, если вы не назовете ни одного воспоминания о заполнении дня делами и событиями, этот день не будет сохранен в вашей памяти!”. Ужаснувшись по-настоящему, Рябинин словно обнаружил брешь в своей памяти, конечно же, надуманную, внушенную ему дурацкой программой, но испугавшую.

На циферблате справа от анимации песочных часов Рябинин заметил иконку, изображавшую что-то вроде мерного кулинарного стакана. Нажал на иконку пальцем, открылся новый циферблат, на нем пустой мерный стакан, а под ним надпись: “Емкость воспоминаний 1 июня 2024 года – 0”. И снова Рябинин испугался, теряя контроль над собой, безрассудно поддавшись глупой игре – не иначе, двадцать пятый кадр или энэлпи.

И снова обнаружена иконка – слева, в виде солнышка и луны. Рябинин кликнул и на нее. На открывшемся циферблате полсолнца и горизонт. Надпись под картинкой – “2 июня 2024 года. 6.00. Прошло 6 часов нового дня! Поторопитесь!”. Что значит, поторопиться? Что делать то? Вспомнил и зачастил, приблизив часы к губам: “Поскорее встать с кровати! Умыться! Прочитать утреннее правило!...”. Что это было на самом деле, Рябинин не смог бы дать себе отчета, смешав свой привычный распорядок дня, воспоминания и предположения о том, чтобы он мог делать в начале лета. Так он, стараясь уложиться в одну минуту, наговорил о каких-то своих делах.

Часы снова вздрогнули, и Рябинин увидел надпись на циферблате: “Второй день лета прошел! Узнайте о наполнении дня!”. Хозяин умных часов кликнул по мерному стакану: “Емкость воспоминаний 2 июня 2024 года – 2 часа 35 минут”.

Ну, и что такого? В памяти и без этого не всякий день отложился. Более того, сколько вспомнишь о прожитой жизни? Разве что какие-то яркие события – радостные или печальные или страшные или болезненные. Может, оно и к лучшему, когда не все помнишь?

Зря Рябинин отвлекся на размышления! Чуть третий день не прозевал – ведь длится-то он всего одну минуту! Судя по показаниям циферблата, до конца дня оставалось всего 10 секунд или 4 часа. Рябинин затараторил окоlesiцу о своих делах в этот день. В итоге получилось немногим больше предыдущего дня – почти 3 часа.

Теперь Рябинин был наготове и сразу затараторил о делах четвертого дня лета. Наговорил много и был доволен собой. Теперь-то он заполнит мерный стакан всклянь. Не тут-то было! Анимация стакана показала всего 6 часов. Что такое? Он снова, но помня о бегущей минуте очередного дня, нырнул в техподдержку. Нашел! Из учета времени дня вычитается сон. Прочел дальше по тексту и прочел, что и дневной тоже. Жаль! Ведь он был любителем вздремнуть часок после обеда.

Рябинин вернулся к игре и за оставшиеся секунды минуты дня наговорил на 3 часа 11 минут. Нужно сосредоточиться на делах и не упускать драгоценное время!

Отыграв первую неделю июня, Рябинин обнаружил на циферблате под иконкой мерного стакана стакан побольше. Помня о быстротечности минуты дня, он перешел в большой стакан и увидел змейку графика наполнения делами каждого дня прошедшей недели, а под ним итог: «Вы прожили 28 часов из 168 возможных часов жизни. Поздравляем! Это 16,6 из отпущенного! Если бы вы прожили ваши 62 года с таким наполнением дня, то это составило бы 10 лет и 152 дня жизни!».

Тон комментария не понравился Рябинину. Что же получается? Получается, что прожил всего 10 лет, и это все? Неприятная мысль заставила его максимально сосредоточиться на посекундно пролетающих минутах дней его жизни. Что называется, стиснув зубы, Рябинин добился максимально возможного результата наполнения своих дней, для чего пришлось сократить время сна до 5 часов, а также отказаться от обеда и послеобеденного сна, оставив только завтраки и ужины. Так, на небывалом подъеме Рябинин прожил 61 минуту июня и июля. Август предвкушался месяцем стабильно высоких результатов наполнения дня, но что-то случилось!

Наговаривая дела очередной минуты очередного дня, Рябинин стал заговариваться, заплетаться языком, замолкать, уходя в себя, из-за чего даже потерял несколько полных дней августа. Это сильно расстраивало его, но не заставляло действовать энергично и заполнять дни своей жизни под завязку. Напротив! Апатия, уныние, угнетенность поглощали его с каждым минутным днем августа. Что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.